

Это вечное всеобщее движение и изменение таково, что постоянно рождается и растет новое, отмирает и гибнет старое – «Один уходит, другой приходит». «Время ведь не знает другого правильного пути, как одно – улучшить, другое – разрушить» (ИскН 205). «Дела мира таковы, что одному от них ущерб, другому – прибыль» (СКр 116). «Если где-нибудь поток разрушает канал, то он несет воду в канал какого-нибудь другого человека» (ИскН 174). В подтверждение своей мысли Низами приводит поговорку: «Смерть осла для пса бывает свадьбой». Всеобщий закон изменения мира Низами иллюстрирует примером изменения земной поверхности: ветер уносит слой земли с одного места в другое, «возьмет от одного, другому передает; иногда некоторое количество унесет, иногда принесет», и в результате таких изменений в одном месте образуются горы, в другом – овраги.

Но и растущее новое со временем состарится и погибнет. Все, что имело начало во времени, будет иметь и конец. «Созданное из праха и воды, как бы ни было благоустроено, разрушится» (XIII 554, ст. 4752).

Низами не ограничивается положением о преходящем характере всего возникшего во времени; он идет дальше и утверждает, что нет ничего вечного, кроме самого движения. В поэме XIII стр. 608, стих 5200) он говорит: «Может быть, под ногами круговорота времени исчезнет и само небо». Здесь Низами выступает против господствовавшего в течение многих веков Аристотелевского учения о вечности и абсолютной неизменности неба, пребывающего незыблемо в одном и том же положении, в противоположность изменчивости и непостоянству всего земного. Эта смелая мысль Низами подрывала устои господствовавшей в то время философии и богословия.

Применяя к общественной жизни диалектическую точку зрения на мировой процесс, как на отмирание старого и народение нового, Низами советует правителю «отсекать старые ветки» (СТ 1870 сл.), чтобы старые засохшие ветки не глушили молодые побеги и не мешали их росту. Он требует ломки всего отжившего, устаревшего.

Всеобщее движение и изменение подчинено строгой закономерности. Каждое время имеет свои качества: весна имеет природу весны, а Тамуз – то, что предписано Тамузу. «Все, что отклоняется от своего предназначения, от того отклоняется и вращение времен» (ИскН 187). Идея закономерности развития у Низами заключает в себе мысль, что всякая вещь, в силу присущей ей диалектики развития, проходит стадии роста, расцвета, упадка и гибели.

В поэме: «XIII» (554 ст. 4753 сл.), говорится:

«Молодая луна умножает яркость до полнолуния.
Когда же она достигнет до полнолуния, то начинает уменьшаться.
Фруктовое дерево растет, пока не поспели плоды,
Когда же его плоды созрели, оно тотчас же осыпает плоды на
землю».

Каждое явление и каждая вещь имеют свои закономерные, уставленные природой вещей, времена и сроки. «Такова власть мироздачто каждой весне бывает предел» (XIII 230, ст. 1842). Закономерный бег времени невозможно упредить, нельзя перескочить через необходимую стадию развития.

«Не прорастет ни одно зерно, пока не созреет,
Ни одно дело не развяжется, если не будет до того связанным»
(XIII 228, ст. 1800).

Источником вечного всеобщего движения, согласно диалектикей концепции мира, является единство и борьба противоположностей.

Идея единства и борьбы противоположностей глубоко пронизывает все мировоззрение Низами; однако, ввиду ограниченности его диалектики и наличия в системе его мировоззрения теологического придатка, единство и борьба противоположностей у него не выступают в роли источника движения и ему чужда мысль о самодвижении материи. По учению Низами, материя состоит из противоположностей, но это соединение противоположностей есть дело творца материального мира – бога.

«И жар и холод, и сушу и влагу
Ты (бог) смешал вместе в определенной мере» (ИскН 31).

Четыре стихии, из которых состоит материальный мир (земля, вода, воздух и огонь), являются в отношении друг к другу парами противоположностей (ЛМ 21). Это – «четыре естества противоположного нрава» (ИгбН 6923). Всякая вещь представляет собой соединение противоположностей. И у солнца «в природе есть и огонь и вода» (ИскН 315).

Следуя Эмпедоклу, Низами заявляет, что во вселенной происходит борьба двух противоположных космических сил – любви и ненависти.

«Так как обычай небосвода–вращаться,
Обращается мир по ненависти и любви» (ИскН 257).

Попеременно берет перевес то любовь, то ненависть, и наступает преобладание то добра, то зла в мире.

«Время чревато и добром и злом,
Звезда – то друг, а то недруг» (ИскН 258).

Низами сравнивает мировой процесс с шелкомотальным ремеслом:

«Мир словно лавка мотальщика шелка:
Одна половина его из воды и из огня другая,
С одной стороны ободу дарит добро,
С другой стороны обод опорожняет» (ИгбН 6681 сл.).

Противоположности неразрывно связаны между собой. «Правило всего доброго и злого, что есть в жизни, это – яд в сладости и сладость в яде» (СКр 397). «Где финик, у которого нет шипов?» (там же). «Драгоценный камень заключен в простой породе, а хурма в колючках» (ХШ 474). Выражая образно неразрывную связь противоположностей, Низами говорит о «сладком горении горького алоэ» (ХШ 469, ст. 3955), говорит о том, что чернотой зрачка глаз видит мир (СКр 162). Об единстве противоположностей имеется у Низами целый ряд изречений. «Клада не бывает без змеи, а где есть финики, там и шип» (ЛМ 59). «В каждом куске сахара есть тягость яда» (СТ 1528). В мире, «как у пчелы, есть и мед, есть и жало» (ИскН 297). «В веселом сердце есть стон, сжигающий сердце» (СТ 1992). Наряду с «черным агатом» ночи существует «жемчужина дня» (т. е. – солнце). Неизменно чередуются две бабочки – одна белая (день), другая черная (ночь). Мир «восседает на черно-белом скакуне» (ХШ 215, ст. 1685). «Иногда мир кажется румийцем, иногда негром» (румиец – белого цвета кожи, негр – черного) (ХШ 342). Но мир не только сочетает в себе противоположности. В закономерности мирового процесса, каждая вещь рождается из своей противоположности и каждая вещь в своем развитии переходит в свою противоположность. «Ясное утро появляется из ночи» (СКр 45). «Когда настанет мрачная ночь, то знай, что после нее засмеется утро» (ХШ 487). Пасмурная дождливая погода является необ-

ходимым условием для того, чтобы затем наш взор наслаждался зрелищем цветущего сада. «Роза не улыбнется, пока небо не заплачет» (СКр 149). «Горькое вино дает сладкое веселие» (ЛМ 67). «Жизнь основывается на смерти» (XIII 337, ст. 2884). Источник жизни – в страневечного мрака и холода. «Как же так?» – ставит вопрос Низами и отвечает, что, по преданию, у северного полюса течет чистый родник студеной воды, который есть источник «живой воды», дающей бессмертие.

Низами указывает, что развитие происходит через возникновение противоположностей, через отрицание того, что существует в данный момент.

«Та пальма, что сегодня шипов полна,
Завтра принесет урожай влажных фиников.
Та почка, что в голой ветви спряталась,
Предвещает она раскрытие цветка» (ЛМ 254).

Низами указывает также, что противоположности взаимно обуславливают друг друга: одна противоположность служит фоном, на котором резче оттеняется контраст другой противоположности. «Во мраке ночи свет лучше виден» (СКр 361). «Изумителен бывает свет посреди мрака» (ИскН 158). Финик без косточки сочности не имеет, как

луна не в ночное время яркости не имеет» (XIII 417, ст. 3532). Противоположности усиливают эффект друг друга. «Две сладости вместе

никогда не хороши, финики хороши с косточками, орехи с ядрышком» XIII 473. ст. 3988). «Горькое вино приятно со сладкой закуской» (ИскН 352). «Благодаря черноте волос люди выглядят молодыми» (СКр 162).

Единство и борьбу противоположностей Низами рассматривает с той точки зрения, что во всяком явлении есть положительная, созидательная сторона и отрицательная, разрушительная. «Есть червь (говорит он), производящий шелк (шелковичный червь), есть и другой червь, доедающий шелк (моль)» (СТ 1695).

«Есть два червя в шелководстве,
Которые участвуют в нем, как вода и огонь.
Один свивает шелковый кокон,
Другой поражает шелковую нить.
Есть две пчелы в улье.
Одна пчела добывает пищу,
Другая тайком по-воровски пожирает»
(ИгбН 393-400).

Применяя свое учение о противоположностях к этической области, Низами отмечает реальность зла в мире и его роль в жизни людей. «Мир вскармливает и добро и зло; много зла и добра у него на шее» (ИскН 70). «Мир—это обманчивая пища: то попадает в ней сладость, а то – горькая печень» (там же 134). «Кто вкусил сначала глоток сладости так, чтобы вслед за этим не вкусить укол жала?» (СКр 397). Наличие отрицательных сторон в жизни людей усиливает эффект положительных и увеличивает их ценность.

«Если небо хочет дать крестьянину долю богатства,
Сначала оно хочет, чтобы он вспомнил о бремени труда.
Если оно не оставит на пути колючек и терниев,
То кто, мол, будет знать цену роз и бука?
Нужно несколько деньков клеймо разлуки,
После разлуки хороши будут любовь и дружба»
(XIII 66, ст. 729 сл.).

Нередко страдание и зло ведет к радости и добру, и люди постоянно заблуждаются в оценке вещей и явлений.

«Много есть роз, которые ты считаешь розами,
Но, к своему ущербу, убеждаешься, что это – шип.
Много гроздей винограда, зеленых на вид,
Оказывается спелыми, когда их попробуешь.
Часто голод, приносящий слабость,
Пищеварению приносит пользу» (ЛМ 295).

Обрушившееся на человека бедствие бывает часто причиной его последующего благоденствия.

«Удар бедствия есть целебный пластырь себялюбия,
Горечь вина есть основа сладости» (СТ 1240).
«Много есть вещей, что вселяют в сердце ужас,
Но в конце концов их приходится благодарить» (ИгбН 367–368).

«О как много печалей, в которых имеются радости» (XIII 435. ст. 3670).

Одним из моментов диалектики является учение о конкретности истины и об относительности вещей и явлений в зависимости от конкретных условий их существования. Эту мысль, которую уже Гераклит высказывал в таких изречениях: морская вода питательна для рыб и негодна для людей (фр. 61), болезнь делает приятным здоровье, зло – добро, голод – насыщение, усталость – отдых (фр. 111), Низами развивает в ряде своих произведений.

«Для голодного грубая лепешка является сладкой булкой,
Для сытого и белый хлеб – ничто» (ЛМ 112).
«Халва, хотя является пищей, приносящей пользу,
Если съешь ее при холере, – в яд превращается» (ЛМ 112).
«Прозрачная вода настолько хороша,
Что ею можно остановить бушевание огня.
Однако, если вода поднялась выше головы, она губительна,
Даже если бы она была водой жизни» (XIII 88).
«Не смотри с презрением на ласково текущую воду,
Так как будет она достаточно свирепой в неверности» (то

есть

когда предательски тебя в себе утопит).

«Не питай нежности к огню (на том основании), что он освещает тебе лицо,

Придет время, когда он спалит сто житниц» (XIII 250).

«Один умирает в пустыне от жажды (от отсутствия воды),
другой – тонет в воде» (СКр 45).

Светильник получает свет от масла, но часто же от, масла и тухнет (излишне налитое в светильник масло тушит пламя).

В таких многообразных образах Низами выражает мысль о противоречивости сущего, о реальности противоречия в вещах и явлениях.

Низами жил в эпоху полного безраздельного господства метафизической концепции мира. Двенадцатый век на Востоке и на Западе был временем господства схоластики, формальной логики, всеобщей веры в вечные неизменные сущности и в вечный неизменный порядок вселенной. Тем величественнее на этом фоне выделяется образ великого азербайджанского мыслителя Низами, который, наперекор господствовавшим в его время воззрениям, высказывает новые передо-

вые идеи, колеблющие метафизическую концепцию мира. Однако, сам Низами во многом остается еще связанным рамками мировоззрения эпохи феодализма и в его мировоззрении элементы диалектики переплетаются с метафизикой.

II. «Семь красавиц» Низами и «Пир» Платона

Сюжет поэмы Низами «Семь красавиц» навеян диалогом Платона «Пир». Оба эти произведения трактуют одну и ту же тему – любовь – и стремятся раскрыть сущность любви путем показа ступеней любви от самой низшей грубой похоти до высших идеальных форм любви¹. Общей в обоих произведениях является и основная мысль: любовь сильнее смерти, любовь побеждает смерть. Но способ трактовки темы «любовь» у Платона и Низами весьма различен.

Теория любви, развиваемая Платоном в «Пире», раскрывает сущность любви, как единства противоположностей. Человеческая природа смертна: смертно тело человека, смертна и его душа (в «Пире» Платон еще не признает бессмертия души), но смертному человеку присуще стремление к бессмертию. Достигнуть этой цели смертная природа человека может, лишь продолжая себя через все новые рождения. Смертен индивид, но бессмертен человеческий род. Любовь есть стремление к бессмертию. Любовь различна и многообразна. Она развивается, возвышается от более несовершенных форм к более совершенным.

Поэма Низами «Семь красавиц», подобно «Пиру» Платона, показывает любовь, последовательно поднимающуюся на все более высокую ступень. У Низами семь ступеней любви. Шах Бехрам для своих семи красавиц жен строит семь дворцов с куполами разных цветов. Один день в неделю шах бывает в каждом дворце и слушает рассказы жен о любви.

В первый день недели (в субботу) шах посещает черный дворец (черный цвет – мрачный цвет скорби). По просьбе шаха его жена – индийская царевна – рассказывает сказку, в которой изображается низшая ступень любви – грубая похоть, чувственное вожделение. Это мимолетное телесное наслаждение, оставляющее после себя горечь, разочарование и неудовлетворенность. Любовная страсть – мираж, пустое воображение. Она лежит всецело в области кажущегося, нереального. В ней нет ничего прочного, ничего пребывающего. Для истинного счастья в любви нужно воздержание.

«Ведь можно потерпеть одну ночь, ведь сегодняшняя ночь – лишь ночь, не год» (СКр 160).

Здесь показывается тщетность погони за наслаждением.

В воскресенье шах посещает желтый дворец (желтый цвет – цвет солнца и золота). Его жена – туркестанская царевна – развлекает шаха сказкой.

Здесь противопоставляется корыстная продажная любовь, превращающая любовное дело в куплю–продажу тела, любви истинной, самоотверженной.

Женщина в любви рискует жизнью, при родах жизнь женщины находится в опасности и нередко она погибает. Не следует «отдавать жизнь за усладу». Жизнь дороже мимолетного удовольствия и не следует покупать последнее ценою жизни. Но истинная любовь силь-

---

¹Е. Бертельс (Великий азербайджанский поэт Низами, 1940, стр. 92) указывает, что показ любви в семи новеллах поэмы Низами «Семь красавиц», дан в плане перехода любви на все более высокую ступень.

нее и выше жизни. За любовь женщина полна решимости рисковать жизнью, за любовь она отдает свою жизнь.

Здесь рассказывается об одном из царей Ирака, который не женился, боясь предсказания, что ему угрожает беда от женщины. Он покупал красавиц рабынь, но эти невольницы думали только о том, как бы получше устроить себя, думали только о своих выгодах и пользе. Они «не любили его ни на миг», а были поглощены только мыслью о наживе. Но вот как-то царь приобретает новую красавицу рабыню, которая оказывается неприступной; она является прекрасной прислужницей, хотя и влюблена в царя, но не соглашается стать его любовницей. Ее удерживает мысль, что все женщины в ее семье умирали от первых родов. Но в конце концов сила любви преодолевает и невольница и царь пренебрегает своими опасениями и она становится его женой.

В понедельник шах посещает зеленый дворец (зеленый цвет – райский цвет счастья).

В новелле, рассказываемой третьей женой шаха – хорезмской царевной, – изображается счастливая любовь, являющаяся вознаграждением за добродетель.

Добродетельный Билир влюбляется, увидев женщину, с которой ветер сорвал покрывало, но вследствие своей целомудренности (у него была «склонность к чистым связям») он не стал следовать за нею и поборол себя. Хотя встретившаяся ему женщина была такой обольстительной красоты, что «ни у одного сердца не стало бы терпенья», Билир все же устоял. Отказ от сладострастья – признак чистой веры. Билир решает совершить паломничество в Иерусалим, чтобы бог оберег его от бесов и соблазна. Во время путешествия к нему присоединяется попутчик Малиха. Муж той красавицы, в которую так безумно влюбился Билир. В пути Малиха погибает из-за своей неосмотрительности и самоуверенности. Билир собирает пожитки погибшего и из них выпадает кошелек с тысячей золотых динаров. Билир не прельстился золотом, не позарился на чужое добро, но решил вернуть эти деньги наследникам умершего. Он отыскивает вдову Малихи и возвращает ей достояние мужа. Узнав о гибели мужа, вдова радуется, что избавилась от злого человека и предлагает Билиру себя в жены. Она сбрасывает чадру и Билир узнает в ней ту самую красавицу, в которую он так безумно влюбился и ради которой совершил паломничество. Целомудрие, бескорыстие, честность Билира были вознаграждены. Он не возжелал, подобно сладострастникам, запретной красоты и преступного богатства.

Во вторник шах навещает свою четвертую жену – славянскую царевну – в красном дворце (красный цвет – цвет крови, цвет мести за причиненную несправедливость и вместе с тем цвет радости).

Новелла этого дворца представляет собой рассказ на тему: любовь и смерть. Основная мысль: любовь сильнее смерти, она вдохновляет человека на геройские подвиги, она вселяет в души людей презрение к смерти. Успех в любви является наградой за доблесть, мужество и героизм в сочетании с мудростью.

В новелле рассказывается о русской царевне, славившейся своей красотой и знанием всех наук. Она построила себе в горах неприступный замок, у входа в который находились статуи, разрубавшие всякого, кто пытался проникнуть внутрь замка. Царевна объявила, что станет женой только того, кто сумеет проникнуть в замок и разгадать загадки, которые будут ему заданы. Многие безуспешно добивались ее руки, тысячи юношей погибли, но это не останавливает смельчаков.

Наконец, один могучий, красивый и отважный царевич становится победителем. У него храбрость и отвага сочетаются с мудростью и глубокими знаниями. Он относится к предпринятому им делу рассудительно, принимает все меры предосторожности, подготавливает все для победы и лишь тогда приступает к осуществлению своего плана с беззаветной храбростью и героизмом. Он отыскивает мудреца-старого философа, который научает его, как действовать. Сочетание храбрости и героизма со знанием-умением обеспечивают успех, и неприступная красавица становится его женой.

В среду шах посещает бирюзовый дворец.

Бирюзовый цвет – лазурный, голубой цвет неба.

«Лазурь – это тот шелк, что высокое небо лучше него по цвету не нашло» (СКр 280).

Новелла повествует о молодом купце Махане, об увлечении его любовной страстью в дивном саду и о превращении красавицы, которую он стал целовать и прижимать, в страшное чудовище, которое до утра сжимало его в своих объятиях, говоря насмешливые речи. Чудовище говорит Махану:

«Вся эта страсть твоя, которая была сначала, почему теперь эта страсть ослабела? Лицо это – то же лицо, не отрывай взора от луны (т. е. красавицы)».

Такой ценой Махан достигает познания иллюзорности, обманчивости, пустоты чувственной любви. Он говорит;

«Видишь ты, лишь когда сбрасывают завесу, с кем дураки играют в любовную игру».

После всего испытанного Махан целью своей жизни избрал добрые дела и просит смиренно бога, чтобы он был ему путеводителем.

В четверг шах навещает свою шестую жену-византийскую царевну – в сандаловом дворце (сандаловый цвет – золотистый).

Темой рассказа является любовь, которая вознаграждает за испытанные страдания праведного, ставшего жертвой гнусного злодеяния; счастье любви связано с делами милосердия, доброты и чистоты сердца. Новелла рассказывает о двух юношах, которые носят имена; Хейр («Правда») и Шерр («Кривда»). Поступки каждого из них соответствуют их именам. Они вместе путешествуют и, когда в пустыне у Хейра иссякла вода, он предлагает Шерру драгоценные камни за глоток воды, но Шерр требует, чтобы Хейр дал ему выколоть свои глаза. Жажда так сильно мучила Хейра, что он согласился и на это... Шерр выкалывает ему глаза и, вероломно, не дав ему воды, бросает его в пустыне. Спасает несчастного красавица, дочь богатого курда скотовода, который со своим стадом остановился невдалеке. Дочь услышала стоны, нашла Хейра, напоила его водой и привела к отцу. Курд нашел лекарство для возвращения зрения Хейру; дочь стала лечить и исцелила Хейра, и «от множества забот, которые она с ним перенесла, дочка курда полюбила его» (СКр 296). И Хейр полюбил красавицу за ее ласку, доброту и заботы о нем, за то, что она спасла ему жизнь. Хейр женится на дочери курда и получает в приданое стада отца. Впоследствии он становится шахом, оказывает всем благодеяния и излечивает от болезней.

В пятницу шах слушает сказку своей седьмой жены – иранской царевны – в белом дворце.

Белый цвет – цвет чистоты, непорочности:

«Всему, что недостижимо для грязи,

Чистоте того дают эпитет «белый» (СКр 343).

Новелла повествует о ходже, который был добродетелен по натуре.

В саду, в шелку он наблюдает за купающимися красавицами, влюбляется в одну из них, делает попытки сойтись с ней, но неожиданные препятствия мешают этому. Видя, что сама судьба воспрепятствовала ему совершить прелюбодеяние, ходжа решает заключить с этой девушкой брачный договор. Таким образом, честным путем ходжа делает красавицу своей супругой.

«Хвала тем чистым помыслам,
Которые посеяли в нем семена добродетели
И оберегают его от злого начала» (СКр 342).

Препятствия, которые доставляли ему огорчения, послужили ему на пользу и на радость в будущем.

«Ах, много есть печалей, которые кажутся печалью,
Представляются печалью и оказываются утехой.
Ах, много страданий есть у человека,
В которых, однако, заключено сплошь лекарство для души».

В этой последней новелле вновь повторяется мысль о силе любви, побеждающей смерть.

«Влюбленному лучше отдать всю душу,

Что за страх у влюбленных перед острым мечом» (СКр 332).

Подобно «Пиру» Платона, поэма Низами «Семь красавиц» исходит из противопоставления грубой чувственной похоти чистой идеальной любви. Еще в первой своей поэме «Сокровищница тайн» Низами развивает учение Платона о различии Афродиты вульгарной (Pandemos) и Афродиты небесной (Urania).

«Любовь, которая за завесой (т. е. небесная) стала чудесами,
Когда вышла наружу, пошла в трущобы (похоти)» (СТ 2086).

Поэма Низами «Семь красавиц», подобно «Пиру» Платона, заканчивается пренебрежением земной любовью ради идеала высшей небесной красоты. Когда шаху Бахраму исполнилось 60 лет, он отказывается от личных своих радостей и устраняется от престола. «Ради лика высшей справедливости» — он пожертвовал семью красавицами — своими земными привязанностями, удалился от земной суеты, посвятил себя служению богу и перед уходом превратил свои семь дворцов в храмы огня. Заканчивается поэма наставлением: «Беги от земли... Отврати лицо от этого рынка скорби» (СКр 392–393). «Земля как может не быть тесной для сердца и взора?».

Таким образом, в поэме «Семь красавиц» еще чувствуется влияние Платона (хотя и в меньшей мере, чем в первой поэме «Сокровищница тайн»).

Ступени любви, поднимаясь по которым любовь все более возвышается, очищается и просветляется, Низами символизирует семью цветами, представляющими собою последовательный переход от тени к свету. Цветовой ряд Низами заключает в себе основные нейтральные цвета — белый и черный, насыщенные хроматические цвета — желтый, зеленый и красный, и светлые цветовые тона — бирюзовый (цвет небесной лазури) и сандаловый (золотистый). Это — та теория цветов, начало которой положил Аристотель и последним представителем которой был Гёте. Эта теория рассматривала белое и черное, как два основных качества света, которые, соединяясь в различной пропорции, образуют все цвета. Система цветов, данная Низами, представляет интерес для истории психологии. С психологической точки зрения главными зрительными ощущениями, которые служат нам для ориентировки при

размещении всех разнообразных цветовых ощущений в единой общей системе, являются белое и черное (из ахроматических цветов), красное, желтое, зеленое и голубое (из хроматических). Имея эти цвета как основные, мы можем определить все бесчисленное множество оттенков красок путем отнесения каждой из них к тому или иному из этих основных цветов. Система цветов Низами является оригинальным развитием теории цветов Эмпедокла, Демокрита, Платона и Аристотеля.

Ряд ступеней любви в поэме Низами «Семь красавиц» начинается «черной» любовью, которая представляет собой чисто животную страсть, голый половой инстинкт: «Кобылы в течке и горячий жеребец» (СКр 31) — так характеризуется отношение шаха к своим семи невестам. Мимолетной половой связи, о которой поведствует новелла черного дворца, противопоставляется постоянная чистая любовь, описываемая в новелле белого дворца. Середину занимает гармоническое сочетание чувственной и идеальной любви, равновесие двух противоположных элементов: чувственного и духовного. Это — полнокровная любовь, изображаемая в новелле красного дворца, который навещается шахом во вторник, являющийся «пупом недели», наилучшим из всех дней недели, кроме пятницы. В новеллах желтого и сандалового (золотистого) дворцов противопоставляется корыстная эгоистическая любовь бескорыстной любви, которая исполнена готовности принести себя в жертву для блага любимого существа. В новеллах зеленого и бирюзового дворцов противопоставляются «райская любовь», как дар, ниспосылаемый свыше человеку высоких нравственных качеств, и любовная страсть, как бесовское наваждение.

Неисчерпаемая тема любви находит в поэтическом творчестве Низами многообразное отражение, переливающееся всеми цветами радуги.

III. Низами об античной философии

Во втором томе «Искендер-намэ», носящем заглавие «Книга счастья», Низами знакомит читателей с учениями древнегреческих философов. Сопоставляя их учения, он развивает свои собственные взгляды. Излагая в стихах философские учения, Низами продолжает тот вид художественной литературы, который в древности на Западе был представлен поэмами Парменида, Эмпедокла и Лукреция Кара.

Низами считает нужным дать объяснение, почему он в своих философских взглядах основывается на учениях древних философов, привлекая их для лучшего выяснения своих точек зрения.

Низами говорит, что ему задают вопрос:

«Зачем ты вяжешь рассказ с теми мудрецами,
Зачем нужно сказанья прелестные связывать
С теми костями истлевшими?

Ты хлеб свой не ешь с чужого стола» (ИгбН 3260 сл.).

По этому поводу Низами сокрушенно заявляет, что, к сожалению, его современники не изучают произведений великих философов и ученых древнего мира, а увлекаются лженаукой астрологией.

«Да, люди этой эпохи не доблестны.

Увлечены они не собранием (научных знаний), а звездами»
(ИгбН 3269–3270).

Как и у всех ученых и писателей той эпохи как на Западе, так и на Востоке, у Низами при изложении философских учений древности историческая перспектива отсутствует. Его, как и современных ему авторов, интересовало лишь содержание философских учений и, подобно Платону, который, не считаясь с хронологией, в целях сопоставле-

ния различных взглядов выводил в своих диалогах лиц, живших в разное время, Низами группирует вокруг Александра Македонского всех более видных философов древности. У Низами при Александре Македонском действуют и Фалес, и Сократ, и Платон, и Аристотель, и Аполлоний Тианский, и Порфирий, и Гермес Трисмегист. Таким образом Низами разделяет присущий его времени неисторический взгляд на древний мир, согласно которому, как выразился историк Дж. Грот, выходило, что все древние жили вместе в одно время (на самом же деле Фалеса и Порфирия отделяет период более чем 800 лет).

В поэме «Игбал-намэ» Сократ, Платон, Аристотель и другие мудрецы древности трижды выводятся со своими учениями: 1) излагается тайное собеседование Александра Македонского с семью мудрецами: Аристотелем, Булиасом (Аполлоном Тианским), Сократом, Фалесом, Платоном, Фарфорием (Порфирием) и Хормусом¹ (ИгбН ст. 2937 сл.); 2) приводятся послания Аристотеля, Платона и Сократа о мудрости (ИгбН ст. 3517 сл.) и 3) изображается кончина Аристотеля, Платона, Фалеса, Аполлония Тианского, Порфирия, Сократа и приводятся их последние слова, в которых они дают окончательную оценку и иногда переоценку своих учений.

Точно передано у Низами учение Фалеса о первовеществе (ИгбН 3057 сл.). Знает Низами и учение Анаксимандра о мироздании и о природе светил (это учение влагается в уста мудреца Хормуса (ИгбН 3159 сл.). Платону приписывается отрицание вечности материи, учение о творении богом мира из ничего (ИгбН 3181). Правильно передается учение Платона, что ни один из элементов (земля, вода, воздух, огонь) не является первовеществом (ИгбН 3181) и что элементы переходят друг в друга без посредника (ИгбН 3786).

Учение Аристотеля излагается у Низами с примесью неоплатонизма, а именно первое творение у Аристотеля изображается как создание материи первоначальным нематериальным движением, придавшим форму пустоте, вследствие чего возникла материя из небытия.

Но в учении Аристотеля верно схвачена Низами идея иерархии бытия, в которой последовательными ступенями являются неорганическая природа, растительный мир, мир животных и, наконец, человек.

Весьма характерна для Низами та сравнительная оценка, которую он дает Платону и Аристотелю. Он отмечает соперничество между Аристотелем и Платоном, о котором много писалось в древности и которое нашло выражение в известном изречении Аристотеля: «Друг мне Платон, но еще больший друг мне истина».

Низами признает превосходство Аристотеля в отношении энциклопедичности знаний и системы философских учений. Аристотель — «предводитель всем», он имеет превосходство во всех знаниях. Низами отдает преимущество Платону перед Аристотелем в другом отношении: Низами отмечает силу художественного дарования Платона (ст. 2009 сл.)

В разделе «Отношение Сократа к Искендеру» (ст. 2327 сл.) Низами дает характеристику Сократа, как ученого и мудреца. Известно, что древность оставила несколько различных образов Сократа: одни из учеников Сократа видели в нем этического мыслителя, другие исключительно диалектика, а среди тех, которые трактовали Сократа, как теоретика морали и мудреца, воплотившего в своей жизни провозглашенные им принципы морали, опять таки было разногласие в характеристике Сократа (большое расхождение между пониманием этики Сократа у Платона, Ксенофонта, Аристиппа и Антисфена).

¹ Именем Хормуса обозначается Гермес Трисмегист.

В трактовке личности Сократа Низами следует Антисфену, основателю кинической школы, и его образ Сократа сильно напоминает известного представителя этой школы Диогена Синопского.

Сократ у Низами изображается, как отшельник, аскет, носящий одежду из грубой ткани, отличающийся воздержанностью в пище и напитках. Сократ не ест мяса, не пьет вина. Для него достаточно одной горсти муки в сутки. Подобно киническому мудрецу с его автаркией (самоудовлетворенностью), Сократ чуждается людей (ст. 2409–12).

Встреча Сократа с Александром Македонским у Низами есть вариант рассказа о посещении Александром Македонским киника Диогена.

Основная черта личности Сократа у Низами – полное господство мудреца над страстями. Таким образом, у Низами Сократ выводится как этический мыслитель и мудрец в аспекте киническом.

В этом Низами верен античной традиции. Но в заключение философия Сократа преподносится в чуждой историческому Сократу неоплатоновской окраске. А именно (ст. 2593 сл.) Низами говорит о взглядах Сократа на высшее познание. Здесь объявляется, что условием достижения этого высшего познания является предварительное нравственное очищение личности от скверны мира сего; выдвигается положение, что условное земное знание заимствует свой свет от солнца истинного знания, что человек должен нравственно подготовить себя к восприятию высшего познания и пассивно ждать высшего озарения, которое, приходит неожиданно к достойному его. Таким образом, Сократу приписывается неоплатоновское мистическое учение о высшем познании, как озарении свыше.

В «Игбал-намэ» говорится, что, достигнув мудрости, Александр Македонский руководится учениями Сократа, Платона и Аристотеля (ИгбН 3361 сл). Приводятся далее послания о мудрости Аристотеля. Платона и Сократа. Аристотель, который выводится в качестве визиря у Александра Македонского, дает учение о сути добра и зла. В послании Аристотеля больше житейской мудрости, часто в духе узкого практицизма и проповеди умеренности и осторожности, и много уделяется места искусству управления государством, причем государю даются советы в духе Макиавелли. У Платона в его послании господствует мысль о бренности всего земного и о высшей ценности вечной жизни. Платоновское учение о том, что земля есть место печали и что горька участь человека на земле, Низами еще раньше приводил в поэме «Хосров и Ширин»: «Всплакнем разок над собой. Ведь мало кто будет так горько плакать над нами, как мы сами. Слышал я, что Платон днем и ночью держал в плаче свои сжигающие мир глаза» (XIII 5134).

Послание Сократа о мудрости у Низами дано в духе кинической школы, оно проникнуто проповедью самоограничения, воздержности в еде и отказа от чувственных наслаждений.

Большую ценность представляют предсмертные речи древних философов в «Игбал-намэ», поскольку этим приемом Низами пользуется для того, чтобы резюмировать в краткой форме эти учения и дать им свою собственную оценку.

В своем последнем слове Аристотель (ИгбН 6855) делает переоценку собственных учений. Аристотель говорит, что он много дал учений о мироздании и о небесных светилах, но теперь он видит лишь заблуждение во всем этом. «Мир называет меня мировым философом, считает меня составителем звездных таблиц семи небес». В последнем своем слове Аристотель рекомендует бросить эти таблицы, как ошибочные.

Платон в последнем слове выражает свое отрицательное отношение к чувственному материальному миру. «Его основание от начала неверно». В этом мире невозможно истинное познание, здесь невозможно найти правду и приходится отступать перед неправдой. В этом мире тщетно ищет человек истины и добра, они недостижимы, как бы долго ни длилась жизнь человека и как бы велики ни были его искания правды.

«Сто тридцать лет мне уже миновало, а положение мое на десятилетних походит: все еще в голове у меня есть желания, состарился я, а мечтыновились» (ИгбН 6929–30).

Аполлоний Тианский в своем последнем слове перед кончиной говорит, что тело есть только оболочка, в которую временно вселяется душа: «я – только душа».

Порфирий в своем последнем слове говорит о непостоянстве всего земного. «Страшно нам от нашего знания: знаток дороги не защищен от дорожных разбойников». В своей земной жизни человек никогда не имеет отдыха от лишений, мук и забот.

О кончине Сократа сообщается что, когда влили ему яд в горла и он почувствовал наступление смерти, он испустил крик радости, радуясь переселению в другой мир. Когда Сократа спросили, где его похоронить, он, улыбаясь, ответил: «Похороните, где угодно; не нужно уделять большого внимания телам умерших». Здесь на Сократа переносится то, что было сказано Анаксагором (Диоген Лаэций II,11) и Демокритом.

Рассмотрение изложения учений древних философов у Низами приводит нас к выводу, что Низами был во всеоружии знаний своего времени и разделял господствовавшее в его эпоху толкование учений древнегреческих философов сквозь призму неоплатонизма. Мы встречаем у Низами характерное для той эпохи сближение всех древних философских систем с неоплатонизмом. У Низами выступает неоплатонизированный Сократ, неоплатонизированный Аристотель. Сократу приписывается неоплатоновское учение о познании и неоплатоновское отношение к жизни и смерти; дуализм Аристотеля заменяется неоплатоновским учением об единой первопричине всего сущего и в соответствии с этим в уста Аристотеля влагается неоплатоновское учение о возникновении материи из эманации нематериального начала. Неоплатоновским духом сильно проникнуты «последние слова» Аристотеля, Платона и Сократа.

Свободное толкование учений древних философов, представленное историей философии Порфирия, историческими трудами Явлиха и Прокла и многочисленными неоплатоновскими комментаторами Аристотеля и Платона, внесло в учения древних философов чуждую им примесь и определило на целое тысячелетие понимание древнегреческих философских систем в духе неоплатонизма.

В своих взглядах на учения древних философов Низами следует представлениям, господствовавшим в науке его времени.

IV. Мотивы античной философии в творчестве Низами

Произведения Низами обнаруживают широкое знакомство их автора с античным миром и в частности с древнегреческой философией и наукой. Творческий гений Низами развивается на основе глубокого освоения им культурного наследия Востока и Запада и в этом обстоятельстве лежит источник той изумительной многосторонности, того необъятного кругозора, той всеобъемлющей полноты и «океаноподобной»

шири и глубины, которые поражают читателя в его поэмах.¹ Видное место в использованном Низами наследии прошлого занимают богатства духовной культуры древней Греции – ее философия, наука и поэзия. У древнегреческих философов Низами неоднократно черпает материал для своего творчества. Со всей силой своего гениального философского дарования и со всей роскошью своей богатейшей художественной фантазии Низами перерабатывает идеи, высказанные древнегреческими философами Гераклитом, Демокритом, Платоном, Аристотелем, стоиками, эпикурейцами и др. Он углубляет эти идеи, придает им новую чеканную форму, дает им художественное пластическое выражение, связывает их с общественной практикой своего времени и таким образом делает их актуальными, жизненными, злободневными, действенными. Он вдохнул новую свежесть жизнь в старые формулы, окрылил их печатью своего гения, сделал их достоянием народов Востока и увековечил их на ряд столетий.

В своей обработке древнегреческих философских учений Низами пользуется различными приемами: иногда он облачает их в поэтическую форму, превращая сухие абстрактные идеи в высокохудожественные образы; иногда он выводит на сцену самих древних философов и они в споре между собой развивают перед читателем свои различные точки зрения на мир и жизнь; иногда он просто влагает в уста своих героев или высказывает от своего собственного имени воззрения на мир, нравственные сентенции, уроки политической и житейской мудрости, являющиеся переработкой учений тех или иных древних мудрецов.

В настоящей статье мы не ставим себе задачу исчерпывающим образом рассмотреть все случаи использования учений античных философов у Низами. Наша цель – на отдельных примерах показать, как обширно знакомство Низами с древней философией и как самостоятельно он перерабатывает черпаемый им оттуда материал.

В главе: «Элементы диалектики в мировоззрении Низами» мы показали, как сильно отразил Низами в своей поэзии учение Гераклита о всеобщей текучести вещей, о всеобщем изменении и развитии, о закономерности всего происходящего, об единстве и борьбе противоположностей. Следуя учению Гераклита, что «все течет», ничто не повторяется, невозможно дважды погрузиться в одну и ту же реку, так как текут все новые и новые воды (фрагменты 12, 49а, 62 к 91), Низами говорит, что ничто в мире не остается постоянным «как не остается постоянной вода в одном и том же потоке» (XIII 486). Следуя учению Гераклита о том, что все совершается строго закономерно и всякое отклонение от этой закономерности влечет за собой возмездие в виде неудачи начинаний и гибели (фрагменты 30, 94 и 100), Низами говорит: «Все, что отклоняется от своего предназначения, от того отклонится и вращение времен» (ИскН 287). Следуя учению Гераклита об единстве жизни и смерти (фрагменты 26, 36, 48, 50, 74, 77 и 88), Низами говорит, что жизнь основывается на смерти (XIII 337). Гераклитовское учение о неразрывной связи и взаимообусловленности противоположностей Низами развивает в ряде мест своих произведений: «Семь красавиц» 162 и 361, «Хосров и Ширин» 417 и 473, «Искендер-намэ» 158 и 352 стр. Равным образом Низами вслед за Гераклитом (фрагмент 126) говорит о переходе вещи в свою противоположность в процессе развития. Высказывание Низами: «Ни одно дело не развяжется, если не будет до того связанным» (XIII 228, ст. 1800) напоминает нам изречение Гераклита: «Связалось и развя-

---

¹ «Океаноподобными» арабские авторы называли мыслителей, у которых, подобно Аристотелю, система отличалась всеобъемлющим характером.

залось и снова свяжется» (в этом изречении Гераклита можно видеть первую в истории философии формулировку закона отрицания отрицания). Момент релятивизма в диалектике, высказанный Гераклитом во фрагментах 37, 57, 61 и 111, находит свое выражение у Низами в ряде мест (СКр 45, XIII 88 и 250, ЛМ 112)¹ Изречение Гераклита: «Людам не было бы лучше, если бы исполнялись все их желания» (фрагмент 110) встречается в поэме «Лейли и Меджнун» (74) в следующей форме: «Никто не знает, что лучше для него. Люди добиваются чего-нибудь, а когда присмотришься, лучше было бы не добиваться».

В поэме «Искендер-намэ» (257), Низами принимает взгляд Эмпедокла на мировой процесс, как на борьбу противоположных космических сил — любви и ненависти, из которых попеременно получает преобладание то одна, то другая.

В поэме Низами «Хосров и Ширин» (отрывок на стр. 349, 350 ст. 3000 сл.) развивается мысль, высказанная Демокритом в его этических изречениях (Стобей III, I, 210, фрагмент 191 по Дильсу). Сентенция Демокрита рекомендует каждому довольствоваться тем, что у него есть, «не думая о тех, кому живется лучше»; напротив, должно обращать внимание на тех, кто ведет бедственную жизнь, и должно «ярко представлять себе те бедствия, которые они претерпевают, для того, чтобы твое нынешнее положение и состояние казались тебе значительными и достойными зависти». Демокрит советует каждому направлять свои помыслы на возможное в его положении, не страдать из-за желаний иметь большее, не мучиться из-за желаний больших благ. «Кто завидует богатым, которые считаются общим мнением людей счастливыми, тот стремится всегда к изменению общественного строя и склонен к нарушению законов». Должно довольствоваться своим положением, сравнивая свою собственную жизнь с жизнью хуже живущих. «Обращая внимание на то, что последним приходится терпеть и насколько тебе лучше живется, чем им, ты будешь считать себя счастливым и будешь жить спокойно». «Если ты будешь держаться такого образа мыслей, то будешь жить в более хорошем расположении духа и избавишь себя в жизни от немалых зол: зависти, соперничества и вражды».

Эту моральную сентенцию Демокрита Низами превращает в урок политической мудрости. Низами разгадывает социальный смысл этого изречения Демокрита и изображает правителя, который применяет продуманную систему способов воздействия на умонастроение подданных, побуждающую их не проявлять недовольства, примиряться со своей участью. Таким образом достигается цель сделать подданных спокойными и мирными гражданами, не помышляющими о восстании и политическом перевороте.

У шаха Хосрова встреча с народом была обставлена особым способом. Перед ним выстраивались пять рядов: 1) впереди занимали место богачи, 2) за ними становились бедняки и нищие, 3) далее стояли немощные больные, 4) еще дальше располагались преступники в оковах, осужденные к заключению в темницах, и, наконец, 5) на последнем месте помещались тягчайшие преступники-убийцы. После того, как все явившиеся располагались указанным образом в пять рядов, выступал церемониймейстер шахского двора и возглашал, чтобы каждый ряд взирал на тех, кто стоит позади его, и поучался, извлекая урок из сравнения своего положения с теми, кому живется хуже.

¹ Об этом подробнее см. в главе: «Элементы диалектики в мировоззрении Низами», стр. 18–23.

И вот богачи радовались, сравнивая себя с бедняками; бедняки радовались, взирая на больных, и возносили благодарность богу за свое здоровье; больные, взирая на заключенных, радовались своей свободой и воздавали большую благодарность богу; заключенные в оковы в свою очередь радовались, когда глаз их падал на убийцу, и они благодарили судьбу за то, что их положение лучше; и, наконец, убийцы радовались, когда у них мелькала надежда на смягчение наказания. Таким образом моральная сентенция Демокрита претворена Низами в художественный образ и ярко показан ее социальный смысл.

Встречаются у Низами и пифагорейские учения.

По учению пифагорейцев, труд – благо, удовольствие – зло, ибо мы родились в наказание и земная жизнь есть место отбывания наказания. Исходя из этого положения, пифагорейцы учили, что не должно облегчать ношу другого, чтобы не стать виновником того, что он останется без труда, но должно помогать каждому накладывать ношу. И Низами говорит, что мы родились не для радости и веселия, а для труда и должны постоянно обременять тяжелым трудом свое сердце к своим рукам. «По сердцу и рукам своим все время бей колючкой, телом не предавайся покою и рукой берись за какое-нибудь дело» (СТ 1187), ибо «из этого бурно кипящего пылающего дома (т. е. из земного мира) тот спасется, кто умеет крепко трудиться» (ИскН 257).

Но вместе с тем пифагорейцы учили: «сердца не ешь» (то есть не тревожь себя печалью), и это их предписание воспроизводится у Низами. «Душу и сердце свое печалью не мучь: не из камня сердце, не из железа душа» (ЛМ 269). «Страдать не имеет смысла» (ЛМ 208).

Влияние Платона сильно сказывается в самом раннем произведении Низами: «Сокровищница тайн». Платон углубляет пифагорейское учение о земном мире, как обители скорби, путем признания материального мира кажущимся царством теней, призраком, не имеющим подлинного существования. В соответствии с этим Низами говорит: «Источник этого мира есть мираж, не обманывайся им» (СТ 1689); «земная жизнь – только сон и греза» (ИскН 256).

В духе платонизма «Сокровищница тайн» (588) учит, что для истинного познания, для проникновения в сокровенную суть нужно избавиться от власти внешних чувств.

Здесь же развивается учение Платона о предсуществовании души и загробной жизни. Душа человека, говорится в «Сокровищнице тайн» (1680–1681), вначале пребывала в сверхчувственном духовном мире, затем «небосвод перенес ее» в телесный земной мир и, наконец, человеческая душа вновь возвращается в высший духовный мир. И с этой точки зрения Низами высказывает платоновское воззрение

на смерть как на переход в лучшую жизнь.

«Если я буду смотреть так, как нужно,

Эта смерть – не смерть, а только перемена места:

Из трапезной в опочивальню.

А из опочивальни на царский пир». (ЛМ 88).

Неоплатонизмом было окрашено все мировоззрение эпохи феодализма, и Низами отразил в известной мере (главным образом в своем первом произведении «Сокровищница тайн») это господствующее мировоззрение эпохи. Но в дальнейшем он все более освобождается от орфико-пифагорейского и платоновского пессимизма и идеализма и переходит к бодрому жизнерадостному отношению к жизни и к высокой оценке материального мира.

В поэзии Низами часто звучат как стоические, так и эпикурейские мотивы. Основное положение этики стоиков: «Нужно познать законы

мира и следовать им, только в этом случае обеспечены правильное направление жизненного пути и успех в делах», Низами развивает в своей книге мудрости «Игбал-намэ» (457 сл.).

«На этот лад только тот может сыграть мелодии,
Кто сумеет постигнуть строй этой мелодии.
С путеводителем путь можно пройти до конца».

Познав закономерность и неизбежность всего происходящего, мудрый человек, по учению стоиков, примиряется со всем происходящим и стойко переносит все превратности судьбы. Это стоическое учение Низами также воспроизводит в поэме «Игбал-намэ»:

«При добре и при зле муж наставляющий
Не отворачивает головы от превратностей
судьбы».

Он согласен со всем, что бы с ним ни случилось (ИгбН 385–387).

Эпикурейское правило жизни: ценить настоящее время, не полагать свои надежды в будущем, ибо в нашей власти только то, что относится к настоящему, – рекомендуется в «Искендер-намэ» (158):

«В то мгновенье, которым обладаешь, копи радость.
Ибо будущее и прошлое – ничто и ничто».

В поэме «Лейли и Меджнун» (209) говорится о лицах, которые накопили большие запасы пшеницы, но, не съев из этих запасов ни зерна, умерли.

Горациевское "carpe diem" (Ода III) также находит у Низами яркое выражение.

«Лучше, если тебе будет хорошо хоть на мгновенье,
Ибо неизвестно, что породит следующий миг (ЛМ 209)».

Низами красочно выражает и другое эпикурейское предписание: «проживи незаметно» (lathe biosas), которое послужило темой оды

Горация: «Золотая середина» (ода II, 10). Ветры чаще колеблют высокие деревья, высоко поднимающиеся башни рушатся с более тяжелым падением, молнии чаще поражают высокие горы, – говорит Гораций в своей оде.

Низами находит для этой мысли еще более яркие образы:

«От ветра, сдувающего шапку с головы,
Страдает кипарис, а трава благоденствует».

«Поражающая добычу стрела охотнее поражает наиболее отборную добычу.

Землетрясение раскалывает надвое именно горы» (XIII стр. 586, стихи 4868–4870).

Восхваление «золотой середины» в поведении людей занимало большое место в «Этике Аристотеля»; в некоторых местах Низами следует Аристотелю. Так, например, в «Искендер-намэ» (стр. 81 р. п.) трактовка этого вопроса весьма близка к Аристотелю (сравни «Никомахову Этику» книга IV § I):

«Прекрасно течет жизнь у того,
У кого не слишком волнуется базар алчности.
Есть у него средства в достаточной мере.
Трудится он, если он муж дела.
Проходит он по миру с наслаждением,
Умеряет бег своего скакуна».

Не знает он расточительности, которая потоком уносит
добро,
Не знает скупости, заставляющей стеснять себя».

Знаменитый гимн могуществу человека, данный Софоклом в «Антигоне» (стихи 331–374):

«Много в мире сил великих,
Но сильнее человека нет в природе ничего»

находит себе отзвук в поэзии Низами. Человек покорил своей власти море и сушу, подчинил себе мир животных: многоумный человек побеждает все, только никогда не сможет найти средства против смерти, – поет хор в «Антигоне» Софокла.

О том же говорится в поэме Низами «Хосров и Ширин». Человечу покорны все стихии, сто булатных гор ничтожны под руками человека.

«Где то средство, которого племя человеческое не
знает,
Кроме как против смерти, против которой оно бессильно?»
(XIII стр. 286, ст. 2374 сл.)

Эта же мысль повторена в «Искендер-намэ» (часть II, глава «Завещание Александра»): человек преодолевает все затруднения, нет предела его мощи, все ему подвластно, кроме смерти.

С другой стороны, наряду с мощью и величием человека, покрывшего своей власти всю природу, Низами отмечает слабость и ничтожество человека, являющегося бесконечно малой величиной в необъятной вселенной. Эта мысль, высказанная Демокритом, в яркой образной форме выражена у Низами: «Земля – это пылинка в мироздании, на земле обитаемая четверть – только ничтожный водопой, Ирак – всего лишь частица обитаемой четверти, Медаин – лишь один город этой частицы, в этом городе всякий люд, а ты лишь один человек из этого люда».

Равным образом в поэме «Лейли и Меджнун (272) говорится о ничтожестве человека: «Посмотри, ведь ты точно листок или сучок на этой пашне столь обширной. Посмотри на себя всего – каков ты, а над головой небо во всем его величии. Если найдешь мерило для своей жизни, ты обнаружишь, что во вселенной ты – ничто».

А. О. Маковелски

Низамиана

ХУЛАСӘ

I. Низаминин дүнякөрүшүндәки диалектика үнсүрлери.

XII эсрдә Шәрг вә Гәрбдә һөкмүранлыг сүрән дүннын метафизик концепциясына әкс олараг Низами даими һәрәкәт вә үмуми дәйишмә хассәси һаггында парлаг фикирләр ирәли сүрмүшдүр. Низами гейд эдир ки, дүня даима енинин доғулмасы вә көһненин өлмәсиндән иба рәтдир. Низами, каинатда әмәлә кәлән һәр бир шейин чидди ганунауғунлуглар әсасында әмәлә кәлдийини сөйләйр. Зиддийәтләрин зәһдәт вә мүбаризәси Низаминин бүтүн дүнякөрүшүндә көк салмышдыр, лакин Низаминин диалектикасы мәһдуд олдуғундан зиддийәтләрин вәһдәт вә мүбаризәси онун дүнякөрүшүндә һәрәкәтин мәнбәи ролуну ойнамыр. Низаминин дүнякөрүшүдәки диалектика үнсүрлери, метафизик үнсүрләрлә бирләшмишдир.

II. Низаминин «Едди көзөл» поэмасы вэ Платонун «Зияфэт» эсэри

Платонун «Зияфэт» эсэринин, Низаминин «Едди көзөл» поэмасынын эсас мэмзунуна тэ'сир бағышладығыны көрүрүк. Бу эсэрлэрин икиси дэ бир мөвзу'дан – эйни севкидэн бэһс адир. Бу эсэрлэрдэ севкинин илк дэрэчэсиндэн башлаяраг, онун йүксэк, пак вэ эн сэмими дэрэчэсинэ кими маһийэтини ачыб кестэрмэйэ сэ'й эдилир. һэр ики эсэрин ана хэтти дэ бир-биринин эйнидир: севки өлүмдэн күчлүдүр, севки өлүмэ галиб кэлир. Лакин «севкинин» шэрһ эдилмэси үсулу Платон вэ Низамидэ башга-башгадыр.

III. Низами гэдим фэлсэфэ һаггында

Низами өз «Игбалнамэ» синдэ гэдим юнан философлары Фалес, Сократ, Платон, Аристотел, Тианлы Аполлони, Порфири вэ башгаларынын нэзэрийэлэрини шэрһ өдэрэк бу философларын эсас нэзэрийэлэрики дүзкүн сурэтдэ кестэрир. Лакин һэмин дөврүн бүтүн алимлэринэ хас олан нөгсанлар Низаминин дэ шэрһиндэ вардыр: бурада тарихи мүгэддэм шэртлэр кестэрилмир вэ бунун да нэтичэсикдэ эввэлэн, бүтүн гэдим философларын куя бир ердэ вэ зини дөврдэнгамыш олдуглары зэнн эдилир вэ икинчиси, гэдим юнан философларынын ени платончулуг руһунда олдуглары һаггындаки янлыш фикир ирэли сүрүлүр.

IV. Низами ярадычылығында гэдим фэлсэфэ мотивлэри

Низаминин эсэрлэриндэн көрүнүр ки, о, гэдим дүня илэ, хүсусэн гэдим гоһан фэлсэфэсин вэ злми илэ кениш сурэтдэ танышдыр. Низаминин ярадычылыг дүһасы, Шэрг вэ Гэрбик мэдэни ирсини дориндэн менимсэмэ эсасында инкишаф этмишдир. Низаминин поэмаларындаки дэрялар гэдэр дэрин вэ инсаны һеиран өдэн мэ'на дэринлиии дэ бурадан нэш'эт өтмишдир. Низаминин ярадычылығында һераклит, Әмпедокл, Демокрит фэлсэфэси мотивлэринэ вэ һэмчинин пифагорчулуг, платончулуг, аристотелчилик, эпикурчулуг, стоицизм вэ ени платончулуг мотивлэринэ тэсадуф олунур.

Өтдийимиз мүгайсэлэрдэн көрүнүр ки, Низами гэдим фэлсэфэйэ, элм вэ әдэбийята кениш сурэтдэ бэлэд олуб, бурадан алдығы материаллары мүстэгилл сурэтдэ ишлэйэ билмишдир. Дедик-ләримизэ мисал олараг бу ашағыдаки мүгайсэни кестэрмэк олар:

1. «Хосров вэ Ширин» сәһ. 349–350 вэ Демокрит эсэрлэриндэи : галмыш парчалар 191 (Собей, 111, 1, 2, 10).
2. «Искәндәрнамэ»нин 158-чи саһифэсиндэ вэ «Лейли вэ Мәчнун»ун 209-чу сәһифэсиндэки эпикурчулуг мотивлэри.
3. һорацинин мэдһнамэси 1, 11 вэ «Лейли вэ Мәчнун» сәһ. 209; һорацинин мэдһнамэси II, 10 вэ «Хосров вэ Ширин» сәһ. 586.
4. Аристотелин «Әхлагийят» эсэри IV, 1 вэ «Искәндәрнамэ» сәһ.81

А З Е Р Б А Й Ц А Н С С Р Э Л М Л Э Р А К А Д Е М И Я С Ы
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
ACADEMY OF SCIENCES OF THE AZERBAIJAN SSR

Ф Э Л С О Ф Э И Н С Т И Т У Т У Н У Н
Э С Э Р Л Р И
Т Р У Д Ы
И Н С Т И Т У Т А Ф И Л О С О Ф И И
TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE
OF PHILOSOPHY

Ч И Л Д I Т О М

А З Е Р Б А Й Ц А Н С С Р Э А Н Э Л У Р И Й Я Т Ы
ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
Бақы — 1945 — Баку